

Имперский проект заселения Голодной степи¹

Андрей Мамаев

Институт экономики РАН (Москва), Санкт-Петербургский
государственный университет.

"The first bill on the colonization of Turkestan": the question of the settlement
of irrigated lands in the Hungry steppe in the early XX century.

Andrey Mamaev

Institute of economics of RAS (Moscow),
Saint-Petersburg State University.

Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894-1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894-1917)”.

Abstract. The article investigates the background, development, discussion and adoption of the bill on the settlement of irrigated land in the first large area of Central Asia – the Hungry steppe in the early XX century. On the eve of the revolution there was a process of "nationalization" of the Empire and the transformation of relations between the center and periphery. During this period in the government during

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894-1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894-1917)”.

discussions the purpose of agrarian colonization of Turkestan in interests of Empire was accurately formulated and transition from words to active actions for geopolitical and economic consolidation of periphery began. The importance of studying the problem is due to the importance of the draft law, in which the center, which set an ambitious goal of creating a "Russian Turkestan", for the first time determined the desired pattern of settlers and his economy and organized the appropriate selection. The leading role in the formulation of this course of the government was played by the chief of land management and agriculture A. V. Krivoshein. In the historiography, given the marginal success of the state in irrigation, the attention paid to the problem of the seizure of land from the nomads, but it overlooked what was happening in that period the formation of new principles "organized" colonization of the area. The study is based on published and archival legislative and administrative documents, the works of officials and statesmen, materials of the State Duma. It is concluded that the authorities introduced by law the selection of wealthy and experienced in agriculture settlers and set a number of restrictions for them. The government intended to create in Turkestan a layer of small Russian farmers-colonists who would lead a profitable economy on irrigated lands without the use of hired labor, growing cotton necessary for the state, while ensuring the strengthening of economic ties with the imperial center and were an example for the indigenous population in economic and cultural terms. The bill also testified to the strengthening of the ideology of Russian nationalism in power circles. The study showed that the government's initiative as a whole received support in the Duma, which established the beginning of basis of the all estates and demonstrated differences about the need for national and cultural restrictions. However, the implementation of the law, the creation of "Russian Turkestan" was interrupted by war and revolution.

Key words. Russia, Turkestan, irrigation, colonization, bill, drafting.

Аннотация. В статье исследуются предпосылки, разработка, обсуждение и принятие законопроекта о заселении орошённых государством земель в

первом крупном районе Средней Азии – Голодной степи в начале XX века. Накануне революции происходил процесс «национализации» империи и трансформации отношений между центром и окраинами. В этот период в правительстве в ходе дискуссий была четко сформулирована цель аграрной колонизации Туркестана в интересах империи и начался переход от слов к активным действиям для геополитического и экономического закрепления окраины. Важность изучения проблемы обусловлена значением законопроекта, в котором центр, поставивший амбициозную цель создания «русского Туркестана», впервые определял желаемый образ переселенца и его хозяйства и организовывал соответствующий отбор. Ведущую роль в формулировании этого курса правительства сыграл главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин. В историографии, с учетом незначительных успехов государства в орошении, внимание акцентировалось на проблеме изъятия земли у кочевников, но из-за этого упускается из вида происходившее в тот период становление новых принципов «организованной» колонизации региона при государственной поддержке, изучение которых является целью статьи. Исследование опирается на опубликованные и архивные законодательные и делопроизводственные документы, работы чиновников и государственных деятелей, материалы Госдумы. Делается вывод, что власти законодательным путем вводили отбор зажиточных и опытных в сельском хозяйстве переселенцев и устанавливали для них ряд ограничений. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошённых землях без использования наемного труда, выращивая необходимый для государства хлопчатник, при этом обеспечивали бы укрепление хозяйственных связей с имперским центром и являлись примером для коренного населения в экономическом и культурном отношении. Законопроект также свидетельствовал об укреплении во властных кругах идеологии русского национализма. Как показало исследование, инициатива правительства в целом получила поддержку в Думе, которая установила начало всесословности и

продемонстрировала разногласия о необходимости национальных и культурных ограничений. Однако реализацию закона, создание «русского Туркестана» прервала война и революция.

Ключевые слова. Россия, Туркестан, орошение, колонизация, законопроект, разработка.

Туркестан как южная окраина России в начале XX в. сохранял важное военно-политическое значение и стал восприниматься как пространство, нуждающееся в хозяйственном освоении, использовании в интересах метрополии и значительных вложениях в развитие. Россия к тому времени наряду с успехами модернизации столкнулась с множеством проблем, включая аграрное перенаселение и малоземелье в европейской части страны, в то время как Средняя Азия, казалось, обладала огромным запасом свободных земель. Несмотря на закрытие края, его наполняли самовольные переселенцы, вынужденные обходить или нарушать закон, вступать в неформальные соглашения и зависимость, как подчеркивали власти, от чуждого в религиозном и культурном отношении населения. К началу 1912 г. число безземельных русских крестьян в крае доходило до 50 тыс. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37об]. Все более национализирующаяся империя парадоксально, в интересах сохранения социального порядка, была вынуждена противостоять этому самовольному движению из метрополии на окраину.

В начале XX в. в ситуации соперничества великих держав и зарождающихся окраинного и великорусского национализмов в имперском центре была сформулирована задача экономического освоения, эксплуатации ресурсов и геополитического закрепления Средней Азии – её колонизации как планомерного и регулируемого законами заселения переселенцами из центра России, которые бы стали движущей силой экономического развития региона в интересах метрополии. Это становилось особенно важным, так как лояльности «туземного» населения быстро добиться не удалось.

Сторонником расширения сельскохозяйственной колонизации являлся занявший в 1908 г. пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, а до этого возглавлявший Переселенческое управление А. В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной её силой», - отмечал он в 1912 г. в записке по итогам поездки в Туркестан, указывая, что «будущее края – в сельском хозяйстве, и притом хозяйстве особом: промышленном, сложном» [Записка А. В. Кривошеина, с. 55, 76]. Идеи колонизации принципиально поддерживали военные министры А. Ф. Редигер (1905-1909) и В. А. Сухомлинов (1909-1915) [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 28об, 30].

Важнейшей помехой при организации переселения в Туркестан было отсутствие удобных земель: их занимало коренное население. Российское государство действовало двояко: теснило кочевников, вызывая их недовольство, и намеревалось ввести в сельхозоборот новые земли путем их орошения. Второй вариант власти признавали наилучшим и «самым правильным», но, как отмечал, например, туркестанский губернатор в 1905-06 гг. Д. Суботич, «путь этот медленный и дорогой» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412. Лл. 31-33, 36об].

Идея ускоренной русской колонизации Туркестана, продвигаемая Кривошеиным, встречала сопротивление как части туркестанских чиновников, так и в имперской бюрократии. Скептичен был министр финансов В. Н. Коковцов, который в 1908 г. заявлял премьеру П. А. Столыпину, что проблему переселения в Туркестан и ирригации следует считать второстепенной и соответственно распределять средства [РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22об, 37-37об, 98об-99]. Принципиальное несогласие с форсированным государственным вмешательством в колонизацию Туркестана выразил сенатор К. К. Пален, ревизовавший край в 1908-1909 гг. Он пришел к выводу о нежелательности изъятия земель у коренных жителей, предупреждая, что это ведет к розни и вражде. По мнению сенатора, цель обрусения и

закрепления края через переселение недостижима. Пален выступил за развитие Туркестана путем частной предприимчивости, введения земель в гражданский оборот, создания благоприятных условий для «сильных представителей русской народности» [Отчёт по ревизии Туркестанского края, с. 417-418]. С приходом в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Кривошеина укрепилась тенденция активного государственного вмешательства в переселение в Среднюю Азию.

Первым крупным орошённым за счет казны районом в Туркестане стала северо-восточная часть Голодной степи в Самаркандской области - порядка 45 тыс. десятин. Составленные к началу войны проекты орошения предполагали охват 940 тыс. десятин. Как отмечал глава ГУЗиЗ А. В. Кривошеин, «цель правительственной работы в Туркестане» - оросить не менее 3 миллионов десятин земли, что могло дать «ещё около 20 млн пудов хлопка и 300 тысяч крепких русских хозяйств, т.е. свыше 1,5 млн русского населения», создав «второй Туркестан», «и новое население его будет – русским». Цена преобразования Туркестана составила бы до 700 млн руб. от казны, полагал Кривошеин. Он был уверен, что затраты с избытком окупятся «в несколько лет», также было очевидно, что расходы будут постепенными [Записка А. В. Кривошеина, с. 30, 53, 67-72, 80].

Появление к 1913 г. в районе Голодной степи значительного объема свободных орошённых земель привело к подготовке законодательного акта, который должен был определить, кому и на каких основаниях раздать земли, а также обеспечить возможность «направленного» развития земледелия и его приспособления к местным условиям. Проект опирался на аналогичный – о заселении орошённых участков Муганской степи на Кавказе. Значение проекта заселения орошённых земель Голодной степи подчеркнул в ходе обсуждения в Госдуме докладчик переселенческой комиссии Д. П. Капнист. Он отметил, что этот проект – не чисто переселенческий: «это... первый законопроект, который говорит о колонизации Туркестанского края» [Госдума. Четвёртый созыв. Сессия первая. Часть III. СПб, 1913. Стб. 2305]. Впервые на практике должна

была начать реализовываться идея планомерного заселения Туркестана русскими. Кривошеин надеялся, что «в центре Туркестана, в бесплодной степи, возникнет новый оазис: целый русский уезд, с десятками тысяч жителей и с производством хлопка в сотнях тысяч пудов» [Записка А. В. Кривошеина, с. 37].

В историографии традиционно основное внимание обращалось на господствующий способ - изъятие «излишней» земли у кочевников, так как именно это усиливало напряжённость, а успехи государства в орошении региона характеризовались как незначительные, как и масштабы переселения на вновь орошённые земли, однако глубокой проработки и анализа законодательства не проводилось [Аминов, Верещагин, Котюкова, Покорение Голодной степи]. Замыслы, обсуждение и законодательное утверждение принципов «организованной» колонизации Туркестана интересны и достойны изучения с точки зрения конструирования империей институтов, которые в случае успеха могли бы стать «модельными» и серьёзно изменить империю и её отношения с окраинами.

Вопрос орошения Голодной степи – пустынных пространств площадью более 1 миллиона гектаров на левобережье Сырдарьи после её выхода из Ферганской долины - начал разрабатываться уже в первые годы после присоединения края к России. Сначала проекты были неудачными или требовали значительного финансирования, которое не выделялось. В частном порядке князь Николай Константинович Романов к 1896 г. возвел технически несовершенный канал «Николай I», оросивший более 5 тысяч десятин. Сооружение было выкуплено казной. Великий князь на практике показал возможность осваивать земли и развивать земледелие путем ирригации [Покорение Голодной степи, с. 21-27].

В 1901 г. началось строительство Романовского канала, призванного оросить порядка 45 тыс. десятин северо-восточной части Голодной степи. Оно затянулось на 12 лет из-за технических недоработок, плохой организации работ

и слабого финансирования государством. В июне 1911 г. был утвержден законопроект об ассигновании на опытные работы почти 5 млн. руб., что резко ускорило ход строительства, и 5 октября 1913 г. Романовский канал, ставший крупнейшим каналом в России и одним из крупнейших в Азии, был открыт [Аминов, с. 231-232; Покорение Голодной степи, с. 28-33]. Первый практический опыт казённого орошения в Туркестане показал невысокую эффективность с учетом затраченного на него времени и упущенных возможностей развития ирригации частным капиталом. Однако он имел символическое значение. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов в приглашениях высшим чиновникам и военным подчеркивал, что «предприятие это знаменует собой в наших среднеазиатских владениях, искони бедных орошением, начало грандиозных оросительных работ», «...является крупнейшим залогом наиболее прочного водворения здесь русской гражданственности и русской культуры» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841. Л. 132-133; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256. Л. 12-12об, 21].

В 1906 г. в ведение переселенческой организации была передана первая тысяча орошённых десятин казённой земли в Голодной степи, нарезано 100 участков по 10 десятин и водворено 65 семей, основавших поселок Спасский. На следующий год ведомству отошли ещё 2 тыс. десятин, и к 1912 г. на участках жили 260 семейств – 1350 человек, в поселке появились школа, приёмный покой с фельдшером и акушеркой и молитвенный дом. Почти треть посевной площади переселенцев была занята хлопком, пшеницей – почти 17 % [Скрыплев, с. 207-211, 215]. По данным Переселенческого управления, в 1913 г. в Голодной степи проживало уже 5 тыс. переселенцев, в том числе более 1 тыс. человек в том году было водворено на землях, орошённых из Романовского канала. Также землю арендовали 800 самовольных переселенцев [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 125].

Искусственно привлекать на орошённые земли переселенцев не приходилось: несмотря на закрытие Туркестана, в регион шел постоянный приток русских крестьян. Однако их качество, от которого зависел успех

колонизации, вызывало у властей большие вопросы. Самсонов в отчёте за 1909 г. отмечал, что «контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для целей русской колонизации края, потому что многие из них представляют собой крестьян, отвыкших уже от труда, непрерывно переходящих по Сибири и Средне-Азиатским владениям с целью получения пособия на устройство... и покидающих край тотчас по получении этого пособия». Для решения этой проблемы генерал-губернатор предлагал дать право отбора «действительно нуждающихся в земле крестьян» земствам тех губерний, откуда шел наибольший поток, при этом не передавать переселенческие участки в собственность, а оставлять в ведении ГУЗиЗ [Всеподданнейший доклад А. В. Самсонова, с. 31-32].

На особые качества, требовавшиеся переселенцам, обращал внимание чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс. «Колонисту необходимо обладать разнообразными познаниями: он должен быть не только земледельцем, но и ремесленником... Колонисту необходимо... обладать денежными средствами на первое оборудование. Наконец, колонист должен проявить сознательность: ему должны быть известны условия жизни и хозяйства той колонии, куда он направляется», - полагал Гинс. Он подчеркивал желательность заимствования европейского опыта поддержки переселения состоятельных людей: «пособия выдаются людям, которые обладают некоторыми средствами и обещают поэтому стать прочными засельщиками» [Гинс, с. 43, 45-48].

Прямую связь зажиточности крестьянина с успешностью колонизации проводили участники собиравшегося в мае 1911 г. Совещания для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем. По их мнению, бесплатная раздача искусственно орошённой земли «приближалась бы к нехозяйственной растрате государственного достояния». Совещание признало необходимость заселения Туркестана «крепким крестьянством», сославшись на слова К. К. Палена по итогам ревизии, что «слабые элементы» при переселении приносили «пониженную нравственность, не способствовали поднятию

производительности [Отчёт Палена, с. 418-419]. Подчеркивалась важность культурного влияния, которое не могли обеспечить бедняки: из-за своего «беспорядочного уклада жизни» они, по мнению членов совещания, не пользовались уважением и «отвращали» местное население от возможности принятия в будущем русских обычаев и русской культуры [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 20-20об].

Кривошеин, посетивший Туркестан в 1912 г. для изучения возможностей его развития, в своей записке сформулировал связь государственной поддержки переселенцев с возможностью их качественного отбора и предъявлением к ним дополнительных требований. Главноуправляющий землеустройством и земледелием подчеркивал необходимость нацелить русских переселенцев на развитие ценного для страны хлопководства, а не выращивание пшеницы, которую можно было бы привезти из других регионов. Как отмечал Кривошеин, дорогие орошённые земли не могут даваться русским переселенцам на обычных «сибирских» условиях: не менее трети площади должно быть под хлопком, земли следовало давать переселенцам временно под обязательство «закультивировать определенную площадь под хлопок» и лишь после получения такого «стажа» – в собственность, ещё одним обязательным условием должен был стать отвод наделов в единоличную собственность – отрубам и хуторам, сохранение передельной общины было недопустимо, полагал Кривошеин [Записка А. В. Кривошеина, с. 61-63].

Размер участков для переселенцев на поливных землях, по мнению главы ГУЗиЗ, не мог быть значительным – его должны были обрабатывать отдельные семьи своими силами, средним размером отвода он считал 8-10 десятин орошённой земли на семью. При этом земля должна была передаваться переселенцам не даром, а за плату, покрывающую действительную стоимость земли и расходы казны на орошение. По мнению Кривошеина, это было необходимо и в связи с денежными интересами казны, и по «психологическим» соображениям – «купленное всегда милее дареного». Однако платежи должны были иметь «льготный» характер: допускалась рассрочка, право

рассчитываться не деньгами, а частью урожая [Там же, с. 65-66]. Госдума в 1910 г. при обсуждении сметы отдела земельных улучшений ГУЗиЗ тоже признала необходимым возмещение переселенцами расходов казны на орошение в зависимости от получаемых выгод и цены сооружений [Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия III. 1910 г. Ч. III. Стб. 754-761].

Кривошеин считал возможным в первое время не мешать передаче части наделов переселенцев в субаренду коренным жителям для скорейшего получения хлопка и «выучки» переселенцев. По его мнению, следовало разрешить продажу наделов одними переселенцами другим, более хозяйственным, но ввести запрет на сосредоточение наделов выше определённой нормы в одних руках, их перепродажу «туземцам» и иностранцам. Переселенцы должны были получать агрономическую помощь, нужно было удовлетворить их потребность в мелком кредите [Записка А. В. Кривошеина, с. 65].

Изложенные в записке главы ГУЗиЗ тезисы легли в основу составленного ведомством законопроекта об отводе русским переселенцам участков казённой орошённой земли в Голодной степи. При разработке проекта был использован утверждённый императором 28 июня 1912 г. закон об отводе казённых орошённых участков в Муганской степи на юго-востоке Бакинской губернии на Кавказе. Тот в свою очередь основывался на общих Правилах 1906 г. о переселении на казённые земли, накладывая на переселенцев в Муганскую степь ряд дополнительных ограничений. Они освобождались от казённых платежей и земских денежных сборов полностью лишь на первый год после заселения (а не на 5 лет, как по общему закону), на два последующих года – в половинном размере (а не на 5 лет, как по общему закону). Устанавливались пятилетний срок перехода на единоличное пользование, предельная норма надела в 9 десятин на двор, также вводился особый сбор на содержание и ремонт водных сооружений и заведование ими, запрещались посадка риса и

сдача земли в аренду тем, кто не имел права получать переселенческие участки на Кавказе [Об отводе казённых..., с. 291-292].

Совет туркестанского генерал-губернатора, рассматривавший проект по Муганской степи в декабре 1912 г., оценил его как вполне применимый к Туркестану с добавлениями и изменениями. Сроки предоставления льгот туркестанские чиновники сочли вполне достаточными. Изначально для переселенцев предлагалось установить имущественный ценз в 2 тыс. руб. капитала, но совет Туркестанского генерал-губернатора не согласился с этой идеей, указав, что таких переселенцев «не так легко подыскать», а простое предъявление суммы не могло гарантировать её принадлежность переселенцу. В законе предлагалось лишь указать, что зачисление и водворение переселенцев производится «без всякого воспособления от казны». Предельную норму надела предлагалось ограничить 8, а не 9 десятинами, так как земля Голодной степи была более плодородной при должном поливе. Также совет посчитал возможным допустить в Голодной степи рисовые посевы. Была рассчитана сумма особого сбора с переселенцев на погашение расходов казны: при стоимости орошения в 7 млн. 356,5 тыс. руб. выходил ежегодный платеж в 6,5 руб. с каждой десятины земли [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 33-36]. Генерал-губернатор А. В. Самсонов, согласившись с проектом в целом, предложил смягчить требования к переселенцам, чтобы ускорить заселение, в том числе выдавать им возвратные ссуды на домообзаводство, увеличить льготный срок и понизить ежегодную выкупную плату [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 32-32об], что размывало идеи ГУЗиЗ, положенные в основу проекта.

После обсуждения тезисов в Туркестане и их одобрения Азиатской частью Главного штаба в конце марта 1913 г. подготовленный переселенческим управлением ГУЗиЗ проект был представлен в Совет министров. В нем отмечались успехи русских крестьян в выращивании хлопчатника, усовершенствования в обработке почвы, использование технических новшеств. Это подводило к выводу, что русские переселенцы могут успешно развивать хлопководство. Ставилась задача создать из переселенцев в Туркестане столь

же зажиточных хозяев, как и «окрестные туземцы». «Необходимо предотвратить поступление ценных земель в руки таких переселенцев, которые без опыта в культуре ценных растений и без достаточных денежных средств не в состоянии сделаться экономически сильным оплотом русского влияния в крае...», - отмечал начальник Главного штаба Н. П. Михневич [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 50-50об].

Согласно проекту ГУЗиЗ, на орошённые земли Голодной степи приглашались в первую очередь безземельные переселенцы-арендаторы и рабочие, уже жившие в Туркестане и «свыкшиеся с особенностями туркестанского сельского хозяйства». Проект смягчал изложенные первоначально требования к переселенцам из Европейской России. В Туркестан допускались состоятельные русские крестьяне, которые имели в месте выхода имущество не менее чем в 1 тыс. руб., а не 2 тысячи, как планировалось ранее. Оценку должны были проводить должностные лица, выдававшие ходаческие и проходные свидетельства. В проекте предлагалось сократить устанавливаемые общим законом льготные сроки по казённым и земским сборам, но сделать мягче, чем в законе по Муганской степи, так как, согласно имевшимся данным, нормальной доходности хозяйство в Туркестане могло достичь только на второй год после водворения. Поэтому предлагалось освободить новосёлов от платежей в течение 2 лет по водворении, а в следующие два года - взимать в половинном размере, чтобы хозяйство могло окрепнуть.

Срок для заселения зачисленных переселенцам участков устанавливался в один год (а не в 6 месяцев, как в Муганской степи), чтобы дать выходцам из Европейской России достаточный срок для ликвидации хозяйственных дел на родине. Земли предлагалось предоставлять в подворно-наследственное пользование и отбирать у тех, кто в течение трех лет не приступил к их обработке, как и предполагали общие правила о переселении в отношении орошённых земель. Сохранялось ограничение размеров надела – наименьшей и стандартной нормой устанавливалось 8 орошённых десятин земли на двор, а не 15, как в других заселяемых районах Азиатской России, чтобы не допустить

имущественного расслоения и избежать найма поселенцами рабочих для обработки земли, как это происходило в туркестанских поселках, где норма была установлена в 10 десятин на двор. Норма в 8 десятин, согласно статистико-экономическим обследованиям, оставляла в распоряжении семьи переселенцев свыше 500 руб. чистого дохода в год, или 65 руб. на десятину. Предельная норма в 10 десятин все же допускалась «для особых случаев... по условиям почвы и орошения».

Общая оценка затрат на орошение к тому времени повысилась до 8 млн. 851 тыс. руб., в итоге расходы на орошение 1 десятины земли были оценены в 155 руб., в то время как в Муганской степи – 40 руб. Указывалось, что ежегодная плата переселенцев не должна была значительно превышать земельные налоги, уплачиваемые туземцами – 3-4 рубля с десятины, и она должна была носить характер платы не за землю, а за орошение.

Срок возмещения затрат казны на орошение не должен был быть слишком значительным - его установили в 20 лет по водворении поселенцев, чтобы в первые годы платежи были ниже, чем в последующие: в первые 6 лет – по 5 руб. с орошённой десятины, следующие 5 лет – по 10 руб. и в последние 5 лет – по 15 руб. Помимо этого переселенцы, согласно проекту, должны были с первого же года после заселения платить сбор в 3 руб. с десятины в возмещение расходов по содержанию и ремонту оросительных систем и гидротехнических сооружений, а также оброчную подать в 30 коп. с десятины. По расчетам ведомства, при доходности с десятины в 65 руб. спустя 4 года казённые сборы в 8,3 руб. не могли считаться чрезмерными. ГУЗиЗ предлагало разрешить переуступать участки тем, кто имел право на устройство на этих землях, но уже без льгот, сдачу следовало запретить. Также запрещались посевы риса, которые вели к заболачиванию местности, вредно влияли на здоровье населения и требовали много воды [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37-46]. Эти основания заселения Голодной степи предлагалось применить и к участкам тех, кто переселился ранее, но с сохранением их льгот.

Госконтроль, согласившись с проектом в целом, предложил не устанавливать предельного размера сбора на содержание и ремонт водных сооружений, так как с развитием оросительной сети сумма могла повыситься, и нет оснований возлагать эту переплату на казну. В итоге в Думу проект поступил с указанием от председателя Совета министров В. Н. Коковцова, что сбор должен быть повышен с 3 до 5 руб. на десятину орошённой земли в год [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440. Л. 48-49].

Внесенный ГУЗиЗ проект обсуждался в Госдуме в июне 1913 г. Переселенческая комиссия Думы благосклонно отнеслась к законопроекту, предложив давать участки переселенцам всех сословий, а не только крестьянам, а для их прочного закрепления предпринять дополнительные меры: обеспечить агрономической помощью и мелким кредитом, немного увеличить размер наделов. В предлагаемом комиссией проекте не акцентировалось внимание на национальной и религиозной принадлежности переселенцев. Финансовая комиссия Госдумы внесла в проект редакционные изменения, прописав, что к заселению допускаются лица «коренного русского происхождения православного исповедания» и старообрядцы или сектанты по соглашению с МВД и военным министром [Приложения к стенографическим отчётам Госдумы. Четвёртый созыв. Сессия первая, 1912-1913 гг. Выпуск IV. СПб, 1913. С. 7-11], эта норма была взята из общих Правил по переселению 1906 г. в отношении переселенцев в Туркестан.

Вопрос о национальных и религиозных ограничениях спровоцировал в Думе дискуссию. Докладчик переселенческой комиссии октябрист Д. П. Капнист предложил разрешить заселение на орошённых землях не только православным, а лицам всех христианских вероисповеданий. Предложение прошло большинством в 108 голосов против 94. Капнист не согласился с утверждением об угнетении мусульман этим законопроектом: по его мнению, это была мера защиты «горсти русских переселенцев», которым не досталось бы земли без этих ограничений. Он обосновал ограничения и финансовым аргументом – за орошение платило государство, а сам Туркестан не давал

дохода. С ним согласился октябрист И. И. Капнист, утверждавший, что иначе орошённые «на русские средства» земли, «затерянные в мусульманском мире», уйдут «туземцам», которые окажутся в более благоприятном положении, чем русские [Госдума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия первая. Часть III. Стб. 2287-2288, 2294-2295, 2305-2307]. Если октябристы выступали с позиций равенства национальностей, обосновывая ограничения нарушенными правами русского населения в регионе, то правые объясняли их националистическими мотивами. Н. Е. Марков назвал другие народы «вторым сортом», нуждающимся в обрусении, и заявил, что русский народ в государстве должен иметь привилегированное положение [Там же, стб. 2295-2298].

Кадеты предложили отменить в проекте все национальные и религиозные ограничения и не поддержали введение принципа сословности, отметив необходимость первоочередного устройства малоземельных крестьян. Критиковались наличие в проекте «доли увлечения колонизацией этого края чисто русскими элементами», а также тенденция к ущемлению прав киргизов: если при проведении первого из каналов в Голодной степи – имени Николая II – участки раздавались не только русским, но и киргизам, то в новом проекте туземцы устранялись и ставились в «тяжкое положение» «будущих работников переселенцев» [Там же, стб. 2289-2293]. Н. Н. Щепкин усомнился в связи между критерием обладания имуществом в 1000 рублей и подготовленностью переселенца к условиям Туркестанского края. Трудовик В. И. Дзюбинский отметил, что владелец имущества в 1000 руб. мог заложить его и иметь долг в несколько тысяч рублей. Он полагал, что с экономической точки зрения целесообразнее дать землю местному населению, лучше знакомому с особенностями сельского хозяйства в климатических и культурных условиях Туркестана. Раскритиковали изложенные в проекте ограничения и думские мусульмане - прогрессист М. М. Далгат и представитель мусульманской группы Г. Х. Еникеев [Там же, стб. 2294-2295, 2300-2302, 2304-2305].

Завершил дискуссию начальник переселенческого управления Г. В. Глинка, отметивший, что национальные и религиозные ограничения на

переселение в Туркестан уже законодательно действовали, так как были изложены в правилах о переселенцах 1906 г. Что касается имущественного ценза, то он, по мнению Глинки, был незначителен и необходим из-за жестких требований по оплате и срокам начала обработки земли [Там же, стб. 2309-2311].

Дума приняла законопроект, допустив к получению участков не только крестьян и мещан-земледельцев, а лиц всех сословий. Это было новшеством, так как общие правила о переселении исходили из сословного принципа, а внесённый переселенческим управлением проект, закреплявший равенство всех сословий в праве на переселение, был одобрен Думой только в мае 1916 г. Если проект ГУЗиЗ лишь указывал на прописанную в общих правилах норму, что правом на переселение в Туркестан обладают только лица «коренного русского происхождения», то в одобренном Думой проекте право переселения давалось всем русским подданным, независимо от происхождения. Если правила 1906 г. допускали в Туркестан переселенцев только православного исповедания и ряда «старобрядческих согласий и сектантских толков», то думский вариант – всех христиан. Дума согласилась с принципом, что переселенцы должны были либо проживать в пределах Туркестанского генерал-губернаторства в качестве рабочих или арендаторов земельных участков, либо соответствовать цензу в 1 тыс. руб.

Размер участка должен был составлять от 8 до 10 десятин удобной земли на двор, причем Дума также прописала в проекте нормы участков под церкви (33 десятины) и школы (2 десятины). Думцы согласились с правилом, что водворившиеся на 2 года полностью освобождаются от казённых платежей и земских денежных сборов, а в следующие два года облагаются в половинном размере, уточнив, что срок считается со следующего за водворением полугодия [Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвёртый созыв. Сессия вторая, 1913-1914 гг. Выпуск I, с. 64-66]. Были одобрены установленные ГУЗиЗ особый ежегодный сбор в казну на погашение капитальной стоимости оросительных сооружений и временная оброчная подать, но с четким указанием, что они

платятся в течение 16 лет после завершения льготного 4-хлетнего срока. В проекте фиксировался внесённый ГУЗиЗ пункт, что сумма сбора на содержание и ремонт водных сооружений составляет до 5 руб. в год с десятины с первого же года по водворении, но уточнялось, что основания для определения размера и раскладки сбора должны установить особые правила, которые следовало издать ГУЗиЗ по соглашению с заинтересованными ведомствами.

Дума согласилась с принципом, что при переуступке земли вновь водворившиеся не пользуются льготами по казённым платежам и земским денежным сборам. Наказание за рисовые посевы было ужесточено: если проект ГУЗиЗ содержал ссылку на статью Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая предполагала денежное взыскание не свыше 50 руб. [Устав о наказаниях, с. 106], то Дума установила твердую сумму денежного взыскания в 50 руб., причём с каждой засеянной рисом десятины [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 69-71].

Одобрённый Думой проект был отправлен в Госсовет, где его рассматривала особая комиссия под председательством П. Ф. Унтербергера, её зампредом был В. И. Тимирязев [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 50]. Госсовет 28 февраля 1914 г. отказался утверждать проект, была создана согласительная комиссия для рассмотрения «разномыслий» [Госдума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия вторая. Часть II. Стб. 1682-1683]. По итогам её работы Госдума приняла проект в изменённом виде. Уточнялось, что участок могут получить не просто рабочие в Туркестане, а только те, кто был занят на земле, переселенцы из Европейской части России должны были заранее при переселении получить удостоверения, что они имеют имущество ценностью не менее чем в 1 тыс. руб. Не допускались к заселению орошённых казённых участков «последователи таких вероучений, которые отрицательно относятся к исполнению воинской повинности». Также Госсовет дополнил норму о переуступке земли, указав, что участки могли получить только те, кто ещё не пользовался участками казённых орошённых земель Голодной степи. Было введено жесткое ограничение на сдачу земли внаём: в

общей совокупности один двор не мог арендовать больше 10 десятин - максимального размера переселенческого участка, а меру наказания за посев риса было решено не прописывать в законе, а ввести в качестве статьи в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвёртый созыв. Сессия вторая, 1913-1914 гг. Выпуск I, с. 732-735]. С такими поправками закон 21 июня 1914 г. утвердил Николай II – спустя полтора года с начала обсуждения проекта [Госдума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия вторая. Часть V, стб. 1399-3].

ГУЗиЗ заботилось не только непосредственно о подборе переселенцев и процессе переселения в Голодную степь, но и стремилось развивать инфраструктуру. В 1914 г. в Голодной степи близ Средне-Азиатской железной дороги был основан первый торгово-промышленный поселок Самсонов (ныне в черте города Сырдарья в Узбекистане), которому предназначалась роль экономического и административного центра «хлопкового оазиса». ГУЗиЗ ожидало его разрастания в «большой город» с развитой торговлей хлопком и хлопковой промышленностью. В поселке имелось свыше 2 тыс. усадебных мест, к концу 1915 г. было сдано в аренду 316 участков, обзавелось или обзаводилось постройками около 80 человек, в нем создали больницу, школу, библиотеку, оросительную сеть. Переселенческое управление признавало условием успешного развития поселка его благоустройство и продолжение заселения Голодной степи [Переселение и землеустройство за Уралом, с. 89-91, 100-101].

В 1914-1915 гг. разрабатывался новый проект орошения Голодной степи на площади более 500 тыс. га. В конце 1914 г. технический комитет отдела земельных улучшений ГУЗиЗ внес в Госдуму предложение выделить за 5 лет 8 млн. руб. для работ по проекту, которых в связи с войной не нашлось. Освоение земель отставало от их ирригационной подготовленности. Так, в 1914 г. из 43,4 тыс. орошённых гектаров было засеяно всего 14 тыс. га, а в 1917 г. из 68,9 тыс га фактически посевы заняли 34,5 тыс. га [Покорение Голодной степи, с. 45, 47]. При этом государственные траты на каждую орошённую десятину

оказались больше планируемого и должны были составить в 1916 г. порядка 11 руб. в год, в итоге разница с выплачиваемыми переселенцами 5 руб. покрывалась из казны [Аминов, с. 234]. К 1917 г. в Голодной степи, по данным исследователя А. П. Фомченко, было водворено 1250 семей, создано 8 переселенческих поселков и свыше 60 хуторов. Если в 1914 г. хлопчатником здесь было занято почти 5 тыс. га, то к 1917 г. - 19 тыс. га, то есть русские переселенцы оказались в силах отойти от чисто зернового хозяйства [Фомченко, с. 68, 81].

Закон, охарактеризованный в Думе как первый, касающийся колонизации Туркестанского края, создавал альтернативу занятию переселенцами отобранных у коренного населения земель и вводил в организованное русло переселение из центральной России. Это могло способствовать устранению противоречий между пришлыми и коренными жителями. Предполагалось, что закон стимулирует развитие хлопководства в русских хозяйствах, улучшит положение скопившихся в регионе безземельных переселенцев, создаст в Туркестане слой зажиточных мелких русских земледельцев, использующих передовые приёмы обработки земли, защитит от концентрации участков в одних руках. «Крепкие» переселенцы могли бы обеспечить рывок в аграрно-капиталистическом развитии региона, стать примером для коренного населения, приобщить их к русской культуре. В то же время процесс подготовки и обсуждения проекта свидетельствовал об усилении во властных кругах идеологии русского национализма: государство демонстрировало заботу прежде всего о русских переселенцах и делало капиталовложения в их интересах, пренебрегая нуждами коренных жителей.

Площадь первых орошённых казной земель в Туркестане и число переселенцев для размещения на этой территории были слишком незначительными в сравнении с общим притоком крестьян из Европейской России и количеством коренного населения. Переселенцы на орошённых землях уже спустя несколько лет, в условиях войны и революции, лишились государственного покровительства и помощи, оказались в иных политических и

хозяйственно-экономических условиях. Идее создания «русского Туркестана» не суждено было сбыться.

Список литературы.

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 298 с.

Верещагин Н. Д. Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б.и.], 1951. 15 с.

Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент : [Б.и.], 1910. 58 с.

Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб : [Б.и.], 1913. 48 с.

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия III. 1910 г. Ч. III. СПб : Гос. типография, 1910. 3246 стб.

Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1913 г. Сессия первая. Часть III. СПб : Гос. типография, 1913. 2698 стб.

Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1914 г. Сессия вторая. Часть II. СПб : Гос. типография, 1914. 1994 стб.

Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1914 г. Сессия вторая. Часть V. СПб : Гос. типография, 1914. 1396 стб.

Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб. : Гос. Типография, 1912. 88 с.

Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Об отводе казённых орошённых участков в Муганской степи // Столыпин П. А. Программа реформ: документы и материалы. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2011. 798 с. С. 291-292.

Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб : Сенатская типография, 1910. 419 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчёт о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг. : Переселенческое управление, 1916. 398 с.

Покорение Голодной степи. Ташкент : Узбекистан, 1980. 323 с.

Приложения к стенографическим отчётам Государственной думы. Четвёртый созыв. Сессия первая, 1912-1913 гг. Выпуск IV. СПб : Гос. типография, 1913. Разд. паг.

Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвёртый созыв. Сессия вторая, 1913-1914 гг. Выпуск I. Пг : Гос. типография, 1914. 915 с.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256.

Российские государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841.

Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопросы колонизации. 1913. №12. С. 203-224.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание Н. С. Таганцева. Пг. : Гос. Типография, 1914. 92 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : ФАН, 1983. 128 с.

References.

Aminov A. M. (1959). *Ekonomicheskoe razvitie Srednei Azii* [Economic development of Central Asia]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 298 p.

Fomchenko A. P. (1983). *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX veka. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian settlements in Turkestan in the late XIX – early XX centuries (socio-economic aspect)]. Tashkent, FAN. 128 p.

Gins G. K. (1913). *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Saint Petersburg, [B.i.]. 48 p.

Gosudarstvennaya дума (1910). Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya III. Chast' III [State Duma. Third convocation. Verbatim record. Session III. 1910, Part III]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 3246 column.

Gosudarstvennaya дума (1913). Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety 1913 g. Sessiya pervaya. Chast' III [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records of the 1913. Session first. Part III]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 2698 column.

Gosudarstvennaya дума (1914). Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety 1914 g. Sessiya vtoraya. Chast' II [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records of 1914. Second Session. Part II]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 1994 column.

Gosudarstvennaya дума (1914). Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety 1914 g. Sessiya vtoraya. Chast' V [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records of 1914. Second Session. Part V]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 1396 column.

Kotyukova T. V. (2016). *Okraina na osobom polozenii... Turkestan v preddverii dramy* [Periphery on a special ruling ... Turkestan on the eve of drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 391 p.

Ob otvode kazennykh oroshennykh uchastkov v Muganskoj stepi [On the withdrawal of state-irrigated plots in the Mugan Steppe]. In Stolypin P. A. (2011).

Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoi senatorom K. K. Palenom. Pereselencheskoe delo v Turkestane (1910) [Report on the audit of

Turkestan region, made by Senator K. K. Palen. Resettlement in Turkestan]. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya. 419 p.

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (1916) [Resettlement and land management beyond the Ural in 1915]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie. 398 p.

Pokorenie Golodnoi stepi (1980) [The conquest of the Hungry steppe]. Tashkent, Uzbekistan. 323 p.

Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoi dumy. Chetvertyi sozyv. Sessiya pervaya, 1912-1913 gg. Vypusk IV (1913) [Annexes to the verbatim records of the State Duma. Fourth convocation. The first session, 1912-1913 Volume IV]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Razdelnaya paginatciya.

Proekty zakonov, odobrennye Gosdumoi. Chetvertyi sozyv. Sessiya vtoraya, 1913-1914 gg. Vypusk I. (1914) [Draft laws approved by the State Duma. Fourth convocation. The second session, 1913-1914. Volume I]. Petrograd, Gos. tipografiya. 915 p.

Programma reform: dokumenty i materialy [Program of reforms: documents and materials]. Tom 2. Moscow, ROSSPEN. 798 p., pp. 291-292.

RGIA [Russian state historical archive]. Stock 1276. List 4. Dos. 428a.

RGIA [Russian state historical archive]. Stock 1276. List 8. Dos. 22.

RGIA [Russian state historical archive]. Stock 1276. List 9. Dos. 440.

RGIA [Russian state historical archive]. Stock 1276. List 9. Dos. 841.

RGVIA [Russian state military-historical archive]. Stock 400. List 1. Dos. 3412.

RGVIA [Russian state military-historical archive]. Stock 400. List 1. Dos. 4218.

RGVIA [Russian state military-historical archive]. Stock 400. List 1. Dos. 4256.

Skryplev P. (1913). Khlopkovodstvo i russkie pereselentsy [Cotton growing and Russian settlers]. In *Voprosy kolonizatsii*. No.12, pp. 203-224.

Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami (1914). [Statute of penalties imposed by magistracy]. Petrograd, Gos. Tipografiya. 92 p.

Vereshchagin N. D. (1951). *Pereselencheskaya politika tsarizma v Syr-Dar'inskoj oblasti Turkestanskogo kraja v gody stolypinskoj reaktsii* [Resettlement policy of tsarism in Syr-Darya region of Turkestan region in the years of Stolypin reaction]. Avtoref. dis. ... kandidata. istoricheskikh nauk. Moscow, [B.i.]. 15 p.

Vsepoddanneishii doklad Turkestanskogo general-gubernatora A. V. Samsonova o polozhenii Turkestanskogo kraja v 1909 godu [All-submitted report of Turkestan Governor-General A. V. Samsonov on the situation of Turkestan region in 1909]. Tashkent, [B.i.]. 58 p.

Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem A. V. Krivosheina o poezdke v Turkestanskii krai v 1912 godu [The note of the chief of managing land management and agriculture A. V. Krivoshein about trip to Turkestan region in 1912]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 88 p.

Анкета

Фамилия / Surname	Мамаев / Mamaev
Имя, отчество / Name, middle name	Андрей Владимирович / Andrey Vladimirovich
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	кандидат исторических наук / candidate of history
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	Институт экономики РАН (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург) / Institute of economics of RAS (Moscow), Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg)

Должность / Position	старший научный сотрудник / senior researcher
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	117218 Москва, Нахимовский проспект, д. 32. 84991290281
Авторский ORCID / Author's ORCID	ORCID 0000-0002-1075-0468
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	История России конца XIX - начала XX вв., Туркестан, экономическая политика, законодательство, революция 1917 г., Гражданская война, городское самоуправление, городские советы / Russian history of the late XIX - early XX centuries, Turkestan, economic policy, legislation, revolution of 1917, Civil war, city government, city Soviets
E-mail	andreydx2006@yandex.ru
Контактный телефон / Contact phone	+79197783676
Адрес для почтовой рассылки печатной версии журнала / The address for a mailing group of print edition of journal	143040 Московская область, Голицыно, Заводской пр-т, д. 12, кв. 174

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора /Author	Мамаев Андрей Владимирович / Mamaev Andrey Vladimirovich
Организация / Organization	Институт экономики РАН

	(Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург) / Institute of economics of RAS (Moscow), Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg)
Страна / Country	Россия / Russia
Город / City	Москва / Moscow
E-mail	andreydx2006@yandex.ru
Наименование статьи / Title of article	"Первый законопроект о колонизации Туркестана": вопрос о заселении орошённых земель в Голодной степи в начале XX в. / "The first bill on the colonization of Turkestan": the question of the settlement of irrigated lands in the Hungry steppe in the early XX century.
Аннотация / Abstract	В статье исследуются предпосылки, разработка, обсуждение и принятие законопроекта о заселении орошённых государством земель в первом крупном районе Средней Азии – Голодной степи в начале XX века. Делается вывод, что власти законодательным путем вводили отбор зажиточных и опытных в сельском хозяйстве переселенцев и

устанавливали для них ряд ограничений. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошённых землях без использования наёмного труда, выращивая необходимый для государства хлопчатник, при этом обеспечивали бы укрепление хозяйственных связей с имперским центром и являлись примером для коренного населения в экономическом и культурном отношении. Законопроект также свидетельствовал об укреплении во властных кругах идеологии русского национализма. Как показало исследование, инициатива правительства в целом получила поддержку в Думе, которая установила начало всеобщности и продемонстрировала разногласия о необходимости национальных и культурных ограничений. Однако реализацию закона, создание «русского Туркестана» прервала война и революция / The article investigates the background,

development, discussion and adoption of the bill on the settlement of irrigated land in the first large area of Central Asia – the Hungry steppe in the early XX century. It is concluded that the authorities introduced by law the selection of wealthy and experienced in agriculture immigrants and set a number of restrictions for them. The government intended to create in Turkestan a layer of small Russian farmers-colonists who would lead a profitable economy on irrigated lands without the use of hired labor, growing cotton necessary for the state, while ensuring the strengthening of economic ties with the imperial center and were an example for the indigenous population in economic and cultural terms. The bill also testified to the strengthening of the ideology of Russian nationalism in power circles. The study showed that the government's initiative as a whole received support in the Duma, which established the beginning of the omniscience and demonstrated differences about the need for national and cultural restrictions. However, the implementation of the law, the creation of "Russian Turkestan"

	was interrupted by war and revolution.
Ключевые слова / Keywords	Россия, Туркестан, орошение, колонизация, законопроект, разработка / Russia, Turkestan, irrigation, colonization, bill, drafting
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	<p><i>Аминов А. М.</i> Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 298 с.</p> <p><i>Верещагин Н. Д.</i> Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б.и.], 1951. 15 с.</p> <p>Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент : [Б.и.], 1910. 58 с.</p> <p><i>Гинс Г. К.</i> Переселение и колонизация. СПб : [Б.и.], 1913. 48 с.</p> <p>Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия III. 1910 г. Ч. III. СПб : Гос. типография, 1910. 3246 стб.</p> <p>Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1913 г. Сессия первая. Часть</p>

III. СПб : Гос. типография, 1913. 2698 стб.

Государственная дума.
Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1914 г. Сессия вторая. Часть II. СПб : Гос. типография, 1914. 1994 стб.

Государственная дума.
Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1914 г. Сессия вторая. Часть V. СПб : Гос. типография, 1914. 1396 стб.

Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб. : Гос. Типография, 1912. 88 с.

Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Об отводе казённых орошённых участков в Муганской степи // Столыпин П. А. Программа реформ: документы и материалы. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2011. 798 с. С. 291-292.

Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом.

Переселенческое дело в Туркестане.
СПб : Сенатская типография, 1910.
419 с.

Переселение и землеустройство
за Уралом в 1915 г. (отчёт о работах
Переселенческого управления за 1915
г.). Пг. : Переселенческое управление,
1916. 398 с.

Покорение Голодной степи.
Ташкент : Узбекистан, 1980. 323 с.

Приложения к
стенографическим отчётам
Государственной думы. Четвёртый
созыв. Сессия первая, 1912-1913 гг.
Выпуск IV. СПб : Гос. типография,
1913. Разд. паг.

Проекты законов, одобренные
Госдумой. Четвёртый созыв. Сессия
вторая, 1913-1914 гг. Выпуск I. Пг :
Гос. типография, 1914. 915 с.

Российский государственный
военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256.

Российские государственный
исторический архив (РГИА). Ф. 1276.
Оп. 4. Д. 428а.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841.

Скрылев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопросы колонизации. 1913. №12. С. 203-224.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание Н. С. Таганцева. Пг. : Гос. Типография, 1914. 92 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : ФАН, 1983. 128 с.